

Глава 6

Они подошли к плетёной калитке, но Кан Хэ не успел даже толком рассмотреть двор. Из дома выбежала девочка лет десяти с редкими, чуть желтоватыми волосами. Увидев Фань Цзина, она радостно воскликнула:

— Старший брат!

Фань Цзин кивнул в ответ. Краем глаза он заметил, что Кан Хэ остался стоять у входа, и качнул подбородком, приглашая его войти.

— Брат, а это кто? — шёпотом спросила Фань Чжэньэр, с любопытством разглядывая незнакомца.

Фань Цзин не ответил. Он молча опустил на землю свою корзину и велел сестре:

— Принеси воды.

Взгляд Чжэньэр упал на сумку в руках брата, и её осенила догадка. Поняв, кто перед ней, она одновременно удивилась и обрадовалась, и тут же бросилась в кухню за водой.

Впрочем, Фань Цзину не пришлось снова приглашать гостя. Услышав голоса, из дома вышли Чэнь Саньфан и Фань Цяоэр. Увидев Кан Хэ, Чэнь Саньфан изумлённо ахнула:

— Ох, как же ты рано! А мы собирались попозже пойти встречать тебя на въезде в деревню!

Она как раз говорила Чжэньэр, что, как только вернётся отец, она непременно отправит его в горы за Фань Цзином. Путь из посёлка Ваншуй неблизкий, дорога занимает несколько часов, так что они рассчитывали встретить гостя на тракте после полудня. Никто и не предполагал, что Кан Хэ приедет на повозке.

Кан Хэ, однако, не понял ни слова и не знал, что ответить. Чувствуя себя неловко, он лишь улыбнулся в ответ, стараясь выглядеть дружелюбно.

— Он не понимает, говорить с ним бесполезно, — бросил Фань Цзин и занёс сумку Кан Хэ в главную комнату.

Кан Хэ снова улыбнулся Чэнь Саньфан, но, поняв, что от переглядываний толку не будет, последовал за Фань Цзином.

Чэнь Саньфан проводила их взглядом, и в глазах её промелькнул огонёк. «А ведь не чураются друг друга», — подумала она. Эта семья Кан оказалась весьма занятой: едва получив выкуп, тут же поспешили отправить парня. Деньги, и правда, творят чудеса.

— ...Что ж, хорошо. Главное, что приехал, — пробормотала она. Чем раньше он здесь, тем ей спокойнее. Хоть для этого зятя семье и не пришлось много тратиться, но шесть гуаней выкупа всё же отдали. Она уж боялась, что и деньги потеряет, и человека не увидит.

На душе у Чэнь Саньфан стало радостно. Она представила дочерям нового члена семьи и с весёлым видом направилась в комнату, чтобы открыть сундук. Она достала четыре кусочка медового печенья, купленного в городской лавке, горсть сушёной сливы и горсть дикой вишни, выложила всё на блюдо и подала Кан Хэ.

Старшая дочь, увидев, что будущий муж брата — высокий и статный, а не какой-нибудь уродец,

искренне за него порадовалась. Не зная, как выразить свои чувства, и стесняясь, подобно младшей сестре, подходить ближе и разглядывать Кан Хэ, она просто опустила голову и побежала в поле звать отца.

Услышав, что гость уже дома, Фань Шоулинь тоже удивился. Бросив мотыгу, он, даже не опустив закатанные штанины — одна выше, другая ниже, — поспешил домой, шлёпая соломенными сандалиями.

Он остановился у входа и заглянул в комнату. Сидевший там Кан Хэ был точь-в-точь таким же, как в день смотрин — не подменили. Успокоившись, Фань Шоулинь кивнул ему и, заложив руки за спину, неторопливо направился к бочке с водой во дворе, чтобы смыть с ног грязь.

— Мы думали, ты только после обеда приедешь, ничего и не готовили. Проголодался, небось, с дороги? Перекуси пока фруктами, мы скоро обед сготовим.

Хотя Чэнь Саньфан и знала, что Кан Хэ может её не понять, она обращалась с ним как с обычным гостем. Во-первых, она не знала, как иначе себя вести; во-вторых, это было сделано и для Фань Цзина. Раз уж сын сам его привел, и они, кажется, поладили, то ей не пристало показывать дурное расположение. Окажи она Кан Хэ холодный приём в первый же день, это было бы унижительно не только для гостя, но и бросило бы тень на самого Фань Цзина.

Кан Хэ, хоть и не понимал слов, видел, что хозяйка настойчиво предлагает ему угощение, и смекнул, что от него требуется.

— Спа... сибо, — проговорил он, запинаясь.

Чэнь Саньфан обрадовалась:

— Да что ты, мы же теперь одна семья, не стесняйся.

Она подозвала Чжэньэр и Цяоэр и представила их Кан Хэ. Увидев двух девочек, в чертах которых легко угадывалось семейное сходство, Кан Хэ догадался, что это сёстры Фань Цзина. Он не планировал всерьёз оставаться в семье Фань, поэтому не приготовил никаких подарков. Теперь же, когда две девочки, одна бойкая, другая застенчивая, приветствовали его, он, как старший, не мог преподнести им даже скромного гостинца. Вдобавок он не мог сказать и пары вежливых слов, отчего почувствовал себя крайне неловко.

Фань Цзин, всё это время молча стоявший в дверях, вдруг произнёс:

— Обед.

Чэнь Саньфан, без умолку расхваливавшая дочерей, осеклась:

— Да-да, старший сын вернулся с гор, да и Кан Хэ приехал, сегодня нужно приготовить что-нибудь повкуснее.

— Чжэньэр, Цяоэр, помогите мне на кухне. А ты, сынок, проводи Кан Хэ, помоги ему разобраться вещи, отнеси сундук и сумку в комнату.

В главной комнате остались только они вдвоём. Кан Хэ невольно посмотрел на Фань Цзина. Их взгляды встретились. Фань Цзин, не говоря ни слова, подобрал сумку со стола и сундук с пола и направился в свою комнату. Кан Хэ, помедлив, последовал за ним.

Комната Фань Цзина была небольшой и тёмной. Единственное оконце на восточной стене наполовину заслоняло дерево сычуаньского перца, росшее во дворе. Комната и так выходила на теневую сторону, поэтому, если день не был ясным, здесь даже днём царил полумрак, и приходилось зажигать масляную лампу.

Обстановка была скромной: у северной стены стояла простая деревянная кровать под пологом из грубой, но немаркой ткани, скрывавшим внутреннее убранство. У окна примостился такой же, как в главной комнате, бамбуковый столик, заваленный чашками, мотками бечёвки, ножами для резьбы и прочим скарбом.

Фань Цзин подошёл к столу, поставил сундук на пол, одним движением смахнул в сторону хлам и водрузил на освободившееся место сумку. Обернувшись, он увидел, что Кан Хэ тоже подошёл, но не вошёл внутрь, а замер на пороге, прикованный взглядом к стенам.

На них висели луки, стрелы, каменные копья, кроличьи шкурки, оленьи рога и клыки кабана — от такого разнообразия у Кан Хэ зарябило в глазах. Но самое видное место занимала блестящая шкура чёрного медведя, выглядевшая особенно свирепо. Кан Хэ смотрел на всё это широко раскрытыми глазами, поражаясь. Он и не подозревал, что Фань Цзин, казавшийся ему просто умелым и сдержанным, был ещё и таким искусным охотником. Его комната показалась Кан Хэ настоящей сокровищницей.

Фань Цзин ногой подцепил из-за двери низенькую табуретку, поставил её перед Кан Хэ и жестом предложил сесть. Но тот не сел, а с горящими глазами указал на развешанные по стенам трофеи.

Фань Цзин на мгновение замешкался, но затем кивнул.

Получив разрешение, Кан Хэ тут же шагнул в комнату и направился напрямик к медвежьей шкуре. Он провёл рукой по жёсткому меху, затем перевёл взгляд на оленью голову, потрогал длинные рога и пощупал твёрдые, как шило, кабаньи клыки. С любопытством снял со стены лук и попробовал натянуть пеньковую тетиву, затем вытащил из колчана бамбуковую стрелу... Он был похож на обезьяну, попавшую во фруктовый сад.

Тем временем на кухне Чэнь Саньфан, повязав на пояс передник из обрезков ткани, сноровисто вымыла котёл и поставила вариться рис. Затем, взобравшись на скамейку, она отрезала от висевшего над очагом куска вяленого мяса ломоть размером с ладонь. Мясо, долгое время копилось в дыму, и снаружи было чёрным, как уголь, но на срезе виднелся кристально-прозрачный жир и ярко-красные прожилки, источавшие солёный аромат.

Чжэньэр, подбрасывавшая дрова в очаг, и Цяоэр, сидевшая у входа и чистившая овощи, при виде такого куска мяса замерли, оторвавшись от своих дел. В доме уже больше месяца не было мяса, и то, что мать решилась отрезать такой щедрый ломоть, казалось невероятным. «Ради зятя мать и впрямь не поскупилась», — подумали они.

Цяоэр, скрестив ноги, держала на коленях небольшое плетёное сито, наполненное пузатыми клубнями цзяобай (дикий рис). Счищая с них верхние листья, она шепнула Чжэньэр, раздувавшей огонь:

— Мама, наверное, будет жарить вяленое мясо с цзяобай.

Белые и хрустящие, как побеги бамбука, но без их терпкости, клубни цзяобай были лучшим осенним лакомством. Обычно то, что созревало на их поле, они чистили и отвозили на продажу в уезд, а сами ели лишь то, что не годилось для рынка. Осень подходила к концу, это был

последний урожай, и клубни были уже не такими крупными, как в сезон, но из-за скорого окончания продаж цена на них снова поднялась.

Чэнь Саньфан собиралась отвезти их в город, но приезд Кан Хэ требовал достойного угощения, поэтому она решила пустить их на стол. От одной мысли об аромате жареного мяса с цзяобай у Цяоэр заурчало в животе. Чжэньэр молчала, но втайне тоже надеялась на это блюдо.

Чэнь Саньфан замочила мясо в воде, оставшейся после промывки риса, чтобы потом оттереть его щёткой из высушенной люфы. Внешний слой был грязным и требовал тщательной очистки. К счастью, времени было ещё достаточно.

Вытерев замасленные руки о передник, она бросила взгляд в сторону двери. Корзина, которую Фань Цзин принёс с гор, всё ещё стояла под навесом. Она не знала, что внутри, но видела, как под накрывавшей её мешковиной что-то шевелится.

— Чжэньэр, сходи посмотри, что твой брат сегодня принёс с гор.

— Брат не велел трогать его добычу, — робко возразила девочка. Её старший брат был немногословен и суров, и без его разрешения никто в доме не смел прикасаться к его трофеям.

Однажды Чэнь Саньфан без спроса взяла его дичь и отнесла в подарок своим родителям. Вернувшись, она увидела Фань Цзина, сидевшего у порога, и тот потребовал с неё денег. Оскорблённая, она разразилась слезами, жалуясь мужу, что сын её не уважает и не считает за мать. Но Фань Цзин на слёзы не поддался и на глазах у отца с силой пнул табуретку. В итоге денег он с неё так и не взял, но с тех пор никто в доме без его позволения не трогал его добычу.

Впрочем, прожив под одной крышей столько времени, Чэнь Саньфан немного изучила его характер и знала, что в важных делах он не будет мелочиться. Именно поэтому в тот день, когда пришла сваха, она осмелилась отдать ей фазана.

— Твой зять, хоть и станет скоро частью семьи, но сегодня он у нас в гостях впервые, — принялась уговаривать она. — Разве можно не приготовить хорошего угощения? Нельзя же, чтобы у него с первого дня сложилось дурное впечатление.

— Еды в доме мало. Я бы и курицу зарезала, да она как раз несётся, жалко.

К тому же, через несколько дней нужно будет пригласить родственников на небольшой пир. Их бедная семья не могла позволить себе пышных торжеств, но отметить событие всё же следовало. Если зарезать птицу сегодня, то что подавать на стол гостям? Откуда взять столько кур и уток?

Чжэньэр сочла доводы матери разумными и поднялась:

— Я спрошу у брата.

— Вот и хорошо, — одобрительно кивнула Чэнь Саньфан, с улыбкой провожая дочь взглядом. Самой ей было неловко просить, оставалось надеяться на девочку.

Цяоэр с нетерпением ждала ответа. Домашний цзяобай был для них редкостью, а дичь брата — и подавно. Если сегодня всё это окажется на столе, это будет настоящий праздник.

<http://bllate.org/book/13421/1194814>